

УДК 821.161.1

О ПРОРОЧЕСТВАХ А.С. ПУШКИНА

Никишов Ю.М.

Поэты любят мечтать. Им нетрудно заглянуть за черту настоящего. Предсказанное иногда сбывается. Тогда предсказанное становится пророчеством.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, мечты, желания, пророчества.

ON A.S. PUSHKIN'S PROPHECIES

Nikishov Y.M.

Poets like to dream. It is not difficult for them to look beyond the edge of the present. Sometimes their predictions come true. Then these predictions become a prophecy.

Keywords: A.S. Pushkin, dreams, desires, prophecies.

Жить и не пытаться заглянуть за черту видимого настоящего практически невозможно, для поэта – особенно, поскольку для него привычно воображаемое делать переживаемым. У Пушкина все есть, наблюдается и взгляд в будущее.

Формы переживаний, опережающих событие, разнообразны. Вступавший на стезю поэзии Пушкин провозглашал:

Фантазия, тобою

Одной я награжден...

К сестре, 1814 [3, I, с. 39].

Платя щедрую дань фантазии, поэт умеет смирять необузданные желания: «Я желал бы... да ногою / Моря не перешагнуть...» («К Наталье», 1813; [3, I, с. 11]. Ему просторно и в мире реальном. Нормальное состояние поэта – мечтательность. Мечты – нечто пограничное по отношению к предсказаниям. Мечты строятся на желаниях. Желания опираются на личный опыт. А на что опереться прогнозам на будущее? Есть опыт истории, есть опыт предшествующих поколений.

Устремление в будущее, естественно, опирается на волю человека, но решение неизбежно принимается по неполным данным. Непременно встретятся обстоятельства, способствующие или препятствующие достижению поставленной цели; что выпадет на долю человека – заранее определить невозможно. Пушкин размышлял об этом и как публицист: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия провидения» [3, VII, 100]. Человек не застрахован от ошибок в своих ожиданиях, но (угадчик!) бывает в своих предсказаниях удивительно точен.

Я хочу представить широкую россыпь пушкинских прогнозов, имеющих пророческий характер. Их можно разделить на две группы. Одни опираются на реалии действительности и поверяются критерием практики. Другие остаются актами творчества, не выходя за рамки произведений.

Вот совершенно загадочное житейское предвкушение грядущего:

Пора и мне... пируйте, о, друзья!

Предчувствую отрадное свиданье;

Запомните ж поэта предсказанье:

Промчится год, и с вами снова я,

Исполнится завет моих мечтаний;

Промчится год, и я явлюся к вам!

О, сколько слез и сколько восклицаний,

И сколько чаш, подъятых к небесам!

19 октября, [3, II, с. 247].

Это написано опальным поэтом к лицейской дате 1825 года. 8 сентября 1826 года Пушкин получил свободу. Перед нами самое удивительное пушкинское пророчество, сбывшееся и по факту, и по срокам. Прозорливость

поэта для нас остается таинственной: на чем основана такая уверенность и определенность пушкинского «предсказания»? Конечно, нам остались неизвестными многие подробности встречи Пушкина с Пушциным. Можно было бы предполагать расчет на перемену власти, но как тогда объяснить, что в текст послания (в обстановке вроде бы спокойной, не сулящей неожиданных, притом значительных событий) поэт включает небесспорный между вольнодумцев тост за царя – и не абстрактно за того, кто будет занимать трон, а за того, кто взял Париж и основал Лицей (и кому до самой смерти тостируемого «подсвистывал» поэт)? Тут нам не выкарабкаться из тумана гипотез. Остается только подивиться непреклонной настойчивости пушкинского уверения.

Разумеется, угадать все детали предстоящей встречи было невозможно. Радость встречи омрачило трагическое 14 декабря. Неожиданно напиталась дополнительной горечью констатация: «Увы, наш круг час от часу редет...» [3, II, с. 247].

Еще одно в точности сбывшееся предсказание – и горько, что оно сбылось. Послание лицеистам 1831 года, – может быть, самое печальное в этом цикле. Стихи пронизывает печаль утрат; ее усугубляет свежая рана, кончина Дельвига. Ситуацию поэт применяет к себе:

И мнится, очередь за мной,

Зовет меня мой Дельвиг милый... [3, III, с. 215].

Это предсказание особого рода. Тут нет рациональных обоснований, оно дается по интуиции, наугад. Увы, поэт не ошибся, угадал.

А вот предсказание, сбывшееся только за чертой пушкинской жизни. Посланию к сибирским узникам (1827) хватило бы, для поддержания духовной стойкости пострадавших друзей, уверения:

Не пропадет ваш скорбный труд

И дум высокое стремленье.

Это было бы сродни личному посланию к Пушцину с надеждой озарить заточенье «лучом лицейских ясных дней». Пушчин удостоверил, что такой цели послание друга достигло вполне: «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина!»

[1, с. 105]. Но в послании «Во глубине сибирских руд...» поэт дополняет духоподъемное уверение прямым обещанием:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут* [3, III, с. 7].

Содержательно пророчество концовки отчетливое, внятное: освобождение пострадавших. Но открытым остается вопрос, как произойдет это освобождение. Исследовательский выбор делался из двух версий: случится новая (и на этот раз победоносная) революция – или царь объявит мятежникам амнистию.

Я решительно предпочитаю вторую версию: надежду на милосердие царя Пушкин еще в период следствия по делу декабристов высказывает в письмах к Дельвигу и Вяземскому, потом в «Стансах» (1826), сохраняет ее и в последующие годы, а в «Памятнике» (1836) заступничество за декабристов включает в число своих заслуг перед потомством: «И милость к падшим призывал» [3, III, с. 340]. Обещание поэта было рискованным, потому что оно проверяемое (дождутся ли выполнения обещанного адресаты), а выполнение от воли обещающего не зависит. По существу Пушкин материализует свое страстное желание и надеется на милосердие царя.

Надежда не осуществилась – ни при жизни Пушкина, ни вообще на протяженном царствовании палача декабристов. Можно ли винить поэта за упование на несбывшуюся надежду? Он сделал все, что мог, подталкивая царя к милосердному акту. Надежда – «несчастью верная сестра», поэт воспринимал ее весьма реальной. Пушкин обманул каторжников не больше, чем самого себя.

Первая версия (ставка на новую революцию) выглядит настолько утопичной и нереальной, что вроде бы и говорить о ней неуместно. Мы, в отличие от современников, воспринимаем событие задним числом, и нам гадать не приходится. Реальные факты свидетельствуют: даже замысла, не говоря уже

о практической подготовке нового выступления, история не предъявляет. Но в творческой биографии Пушкина есть нечто, заслуживающее осмысления.

Послание «Ек.Н. Ушаковой» (1827) заканчивается неожиданным вопросом:

Вы ж вздохнете ль обо мне,

Если буду я повешен? [3, III, с. 13].

Даже и еще два года спустя зловещая фраза будет повторена в послании «Е.П. Полторацкой» (1829): здесь обещана встреча, «когда не буду я повешен...» [3, III, с. 103]. Второе послание явно шутовское, однако и для шутовки необходима какая-то реальная основа! Получается, что Пушкин не исключал повторения событий на Сенатской площади (за какую еще провинность могло быть столь суровое наказание?). Второго бунта поэт бы не пропустил – и был бы в числе зачинщиков, даже невзирая на малые шансы одержать победу! Реальной вероятности такого события не было. Но именно для творческого мышления Пушкина характерна такая особенность – опираться на закономерный ход событий, но учитывать и возможные варианты их, включая маловероятные, а на пределе – даже и невозможные. Альтернативность – существенный творческий принцип Пушкина-художника. То, чего не было и не могло быть в жизни, прошло, оставив след, в сознании поэта. А содержательно – как не учитывать отмеченный факт при анализе отношения Пушкина к декабристам после 14 декабря?

Встречается различная глубина устремления в будущее: нечто должно произойти в недалеком будущем; в отдаленном будущем; в неопределенном будущем. Для поэта может быть важной – или неважной определенность срока исполнения предсказания.

В «Евгении Онегине» имеется размышление о дорогах, какими им надлежит быть, «по расчисленью философических таблиц», «лет чрез пятьсот»: тут указан, с юмором, вполне определенный, но очень отдаленный срок; волею-неволею (попробуй – проверь!) предсказание становится неопределенным. Это

у Пушкина единственное в своем роде, весьма оригинальное, по современным терминам футурологическое или «научно-фантастическое» предсказание.

*Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир* [3, V, 133].

Без малого двести лет спустя (и половины обозначенного срока не прошло) видно, что человечество далеко шагнуло. И мосты, в том числе уникальные, научились строить, и «дерзостные своды» под Ламаншем прорыты (а реки – не препятствия для метро). Горы раздвигать пока накладно, но пробивать сквозь них дороги оказалось сподручно. Иногда концовку описания воспринимали как комичную – как примитивную на фоне технического могущества. Тут я поддерживаю комментарий А.А. Кунарева, где в устройстве трактиров усматривается нормальная забота о питании и отдыхе (включая ночлег) для проезжающих – в человеческих условиях; это не «конечная цель», а «знаки, как говорилось в то время, *просвещенности*, а в наше – *культуры*» [2, с. 53].

Теперь трактиры-гостиницы получили наименование «отель».

С высоты времени я вижу упущение этого описания в другом: здесь предстал монопольным один предмет описания (собственно дороги), тогда как прогресс являет себя в комплексе. Кто и на чем будет ездить по шоссе нового типа? Те же прежние ямщицкие троечки? Не под новый ли вид транспорта меняются и дороги? Для поэта неизменно наименование «станции»: ныне таковые сохранились только на железнодорожных путях. Когда-то станции создавались как почтовые; теперь лучший вид почты – электронный. Как

такое было угадать? Поэт и не усердствует в изображении технических новинок, зато кровный гуманистический аспект не забыл.

Зачастую новые обстоятельства делают невозможным исполнение предсказания. Бывает и так, что меняются воззрения художника. Как реагирует поэт, когда видит, что внешние и/или внутренние обстоятельства изменились – соответственно под предсказаниями теряется опора?

Прямая отмена «устаревших» пророчеств не обязательна. Но Пушкин шепетил в отношении к произнесенному им слову, и мы встретим не просто корректировку, но замену прежнего намерения на противоположное – в связи с изменившимися обстоятельствами.

В начале своего активного поэтического служения поэт посетовал:

О, если б голос мой умел сердца тревожить!

Почто в груди моей горит бесплодный жар

И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?

Деревня, 1819 [3, I, с. 319].

Но накапливается опыт, крепнет поэтический дар – логичным воспринимается усиление поэтической установки, которой на этот раз придается форма напутствия Бога: «Глаголом жги сердца людей» («Пророк», [3, II, с. 304]); самому слову «пророк» придается первичное значение – истолкователь воли Всевышнего.

Но где исполняется выглядящая непререкаемой установка? На деле сама эта установка вскоре дезавуируется:

Подите прочь – какое дело

Поэту мирному до вас!

В разврате каменейте смело:

Не оживит вас лиры глас!

Поэт и толпа, 1828 [3, III, с. 86].

А вот такое намерение поддерживается и развивается: «Ты царь: живи один» («Поэту», 1830; [3, III, с. 165]); «Зависеть от царя, зависеть от народа – /

Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать...» («Из Пиндемонти», 1836; [3, III, с. 336]).

Причина такой метаморфозы? После 14 декабря стал суровым общественный климат, окончательно обрушилось общенациональное единство, обретенное в Отечественной войне 1812 года. Есть причина внутренняя. В своем духовно-творческом развитии Пушкин оставил далеко позади вкусы читающей публики. Он поверяет написанное собственным судом: «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» [3, III, с. 165]. Отнюдь не исключено, что строки, допустим, «Медного всадника» будут жечь сердца людей. Но здесь прямая целевая установка заменена на опосредованную; речь не о содержании повествования, а только о форме его. И в «Памятнике» любезная сердцу поэта надежда, что к нему «не зарастет народная тропа», устремлена в будущее, когда обретет гордость или в ней укрепится «внук славян», а тунгус избавится от дикости, в которой «ныне» пребывает [3, III, с. 340].

У Пушкина нет склонности рисовать утопические картинки. Вот одно из немногих относительно развернутых описаний прогнозируемого будущего:

*И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный...*

Александрю, 1815 [3, I, с. 180].

Чаще это неразвернутая, лаконичная констатация:

*Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.*

Вольность, 1817 [3, I, с. 287].

*И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

К Чаадаеву, 1819 [3, I, с. 307].

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный...

Деревня, 1819 [3, I, с. 319].

Индивидуальные поправки к общему обыкновению могут серьезно изменить ожидаемое. Первое послание лицеистам первого выпуска Пушкин заканчивает обращением к тому из друзей (себя в этой роли поэт не видит), кто переживет былых однокашников:

Кому ж из нас под старость день Лицея

Торжествовать придется одному?

Этому долгожителю Пушкин не завидует! Долгожитель, полагает поэт, потеряет не только друзей, но вместе с ними – идеалы своей молодости.

Несчастный друг! среди новых поколений

Доучный гость и лишний, и чужой... [3, II, с. 247].

Такому прогнозу вполне соответствует судьба Вяземского, написавшего горькие строки: «Жизнь наша в старости – изношенный халат: / И совестно носить его, и жаль оставить...» Но в прогнозе, адресованном лицеистам, Пушкин ошибся. Последним из лицеистов оказался канцлер (министр иностранных дел) князь Горчаков: он до конца хорошо трудился на благо России, лишним и чужим он себя чувствовать никак не мог. Торжествовал ли он день Лицея в одиночку, я не знаю.

В произведениях об историческом прошлом встречаются предсказания задним числом. В лицейском послании «Лицинию» (1815) возглашается: «Исчезнет Рим...». «Вечный город» не исчез, но он преобразился. Понятно, что такие произведения пишутся не ради «пророчеств» (тут используется только форма предсказаний, а облакаются в нее описания давно совершившихся событий), но ради указания современникам на опыт истории: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен» [3, I, с. 99]. Переключка времен может давать неожиданный результат.

Элегия «Андрей Шень» (1825) содержит пророчество героя:

И час придет... и он уж недалек:

Падешь, тиран! [3, II, с. 235].

Монолог Шенье, произносимый в ночь перед казнью, сочиняет русский поэт, знающий (сохраняющий и в авторском тексте, и в примечаниях) фактографию события: Робеспьер (тиран в восприятии Шенье) пал буквально на следующий день после казни пушкинского героя. Мысли Шенье даны Пушкиным в форме предсказания. Но французский поэт пророчит тирану падение – и его гонитель повержен. Русский поэт так и подает этот эпизод в элегии – и его, Пушкина, личный гонитель неожиданно для всех скончал свой век. Такая переключка событий не прошла мимо сознания поэта. Он пишет Плетневу: «Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я “Андрея Шенье” велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc...» [3, X, с. 151].

Это уникальный случай, когда литературное произведение обрело ранее не предполагавшееся пророческое – в личном плане – значение. Впрочем, по убеждению Пушкина, так это и должно быть: предсказанное осознается пророческим именно задним числом, после подтверждения жизнью. Об этом четко сказано в «Капитанской дочке»: «Мне приснился сон, которого не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни» [3, VI, с. 269].

Любопытно: Пушкин с симпатией изображает профессиональных (но добрых!) предсказателей – Финна в «Руслане и Людмиле», кудесника в «Песне о вещем Олеге». Взлеты великих людей поэт напрямую связывает с их умением прозреть, увидеть знаки судьбы (особенно подробно под таким углом зрения представлена судьба Наполеона). А на бытовом уровне поэт категоричен: «Но жалок тот, кто всё предвидит...» [3, V, с. 85]. Возможно, на эту констатацию влияет своеобразие художественного творчества. Человек может вопрошать судьбу, не зная, что она ответит. А если человек становится персонажем художественного изображения? Могут быть показанными ограничения его знания, но автору (читатель догадывается!) должно быть известно, чем дело кончится! Получается, что автор становится исполнителем воли судьбы? Как избежать намечающегося уподобления? Художник оказывается перед выбором:

ему надо либо мировоззренчески слиться со своим героем, либо решительно от его взглядов отмежеваться.

Подобную задачу Пушкин артистично решает в «Евгении Онегине». Татьяна – любимая героиня поэта, с нею он даже поделился собственными суевериями. Но уподобления автора и героини нет; их разделяет щедрый юмор.

Во-первых, Татьяна ничуть не отделена от общего быта.

Настали святки. То-то радость!

Гадает ветренная младость <...>

Гадает старость сквозь очки

У гробовой своей доски <...>

И всё равно: надежда им

Лжет детским лепетом своим [3, V, с. 88–89].

Полифонизм пушкинского повествования как всегда замечателен. Начинается описание крещенских праздников у Лариных проникновенным лиризмом, истинным (хотя и скромным) пафосом. Поэт благодарен своей героине за ее впечатлительную и отзывчивую душу. Он снисходительно описывает крещенский переполох в доме, находя и в этом иного рода, но своеобразную поэзию. И все-таки в описание проникает лукавая шутка, под конец становясь ощутимо колкой.

Служанки со всего двора

Про барышень своих гадали

И им сулили каждый год

Мужьев военных и поход [3, V, с. 87].

Пушкин решительно не может принять «идейный» смысл бытового ритуала. Когда Жуковский описывал, как в крещенский вечерок девушки гадали, он нисколько не ставил под сомнение смысл самого действия, самой попытки проникнуть в мистическую тайну. Здесь совсем иное отношение автора: каждый год крещенские вечера, каждый год служанки гадают про барышень, каждый год «сулят» одно и то же. Поэзия быта – есть, поэзии

мистики – несколько (несмотря на то, что – в конце концов – гадание сбылось: и у Ольги и у Татьяны мужа – военные.

Двуплановый тон становится в этом описании сквозным. Предубеждения, столь активно входящие в сознание Татьяны («Татьяна верила преданьям...»), несколько ее не роняют, поскольку выявляют живую, детски чистую и поэтичную душу героини. Это лишь частное проявление распахнутости Татьяны в мир, умения и способности растворяться в окружающих предметах. То, как Татьяна живет значимым смыслом «вещих» предметов, сродни тому чувству, с которым она общается с природой. Но эпизоды святочных гаданий Татьяны свидетельствуют и о ее житейской наивности.

Однако роман в стихах включает эпизод, существенно превышающий значение сцен святочного гадания. Слишком очевидно пророческое содержание сна Татьяны: никуда не уйти от факта, что смерть Ленского предсказана не только святочным гаданием Татьяны, которое в поэтическом тексте расшифровано как сулящее утраты, а в примечании еще конкретнее – как предвещающее смерть, но и ее же «чудным» и, как оказалось, вещим сном. Однако далее следует удивительное авторское свидетельство:

*Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!* [3, V, с. 109].

Но ведь в строгом смысле Татьяна «ведает» о предстоящем страшном событии! Ладно бы, если б страшный сон и зловещее предсказание подблюдной песни никак не соотносились с жизнью. Такое случилось: повстречается монах или заяц перебежит дорогу – «Не зная, что начать со страха, / Предчувствий горестных полна, / Ждала несчастья уж она» [3, V, с. 88]; но развеивались предчувствия, и жизнь входила в обычную колею. На этот раз повод для ссоры друзей возник на ее глазах. Татьяна «до глубины души» «проникнута»

онегинским «странным с Ольгой поведением» [3, V, с. 104]. А ведь странное поведение с Ольгой ровно столько же странно и по отношению к Ленскому. Можно было бы забыть про сон и гаданье при спокойном, обычном течении событий, но как не вспомнить о предзнаменовании (а Татьяна верит «и снам, и карточным гаданьям!»), когда некие странности, связанные с Ленским, волнуют «до глубины души»? Тем не менее, Пушкин демонстративно убирает подобные вполне естественные мотивировки: у него Татьяна ничего не ведает, ничего не знает.

Возможно, Татьяна вспомнит о своем сне вслед за известием о трагедии. Возможно, в ее скорби по убитому не только симпатия к «брату» и солидарность с сестрой, но и раскаяние, чувство вины совестливого человека, поскольку могла бы предугадать угрозу трагического события и предотвратить его – и не догадалась сделать это.

Так или иначе, но Пушкин стремится исключить мистические мотивировки из поведения своих героев. Он вполне демонстративен: «...жалок тот, кто всё предвидит...» Эта линия проведена последовательно, начиная с ранней «Русалки» (1819) до самого загадочного из его произведений, повести «Пиковая дама»: везде наряду с мистическим исходом как бы просвечивает бытовое объяснение невероятных событий; выбор поэт оставляет на произвол читателей. В этом смысле «Евгений Онегин» – последовательно строгое произведение, герои которого изображены с полной социальной и психологической определенностью.

Напоследок мне хочется привести пушкинское пророчество, радуясь тому, что оно разомкнуто во времени, уже получило солидное подтверждение и эстафетой будет передано потомкам:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья убежит... [3, III, 340].

Список литературы:

1. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I. – М.: Худож. лит., 1985.
2. Кунарев А.А. О пользе стационарных тракторов (из комментариев к «Евгению Онегину») // Прошлое как сюжет: материалы Междунар. науч. конференции. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. – Л.: Наука, 1977-1979.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Literature History Department, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.